

© 2011 г. С. Л. НИКОЛАЕВ

СЛЕДЫ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕННЫХ
ДИАЛЕКТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРАХ.
ВЕРХНЕВОЛЖСКИЕ (ТВЕРСКИЕ) КРИВИЧИ

Владимиру Антоновичу Дыбо к 80-летию

Статья входит в серию работ, посвященных древнерусским диалектам кривичей. Рассматриваются отличительные черты верхневолжского, или тверского, кривичского диалекта, который занимал восточную часть кривичской языковой территории. Анализируются основные признаки древнерусского верхневолжского диалекта и их рефлексy в современных русских говорах.

The article continues a series of works on the Old Russian dialects of the Kriviches. It refers to the research of the Upper Volga (Tver) Krivich dialect, which covered the eastern part of the Krivich linguistic territory. We analyze the distinctive features of the Upper Volga dialect in Old Russian and their modern reflexes in the Russian dialects.

Ключевые слова: историческая диалектология, историческая грамматика, племенные диалекты, тверские говоры

В ряде статей [1; 2; 3] нами были рассмотрены некоторые изоглоссы в русских и белорусских диалектах, которые можно прямо или опосредованно возводить к позднепраславянским диалектам восточнославянских племен в составе древнерусской народности, имевших племенной этнолингвистический статус по крайней мере до XIII в. Восточнославянские (= древнерусские) племена вплоть до XII–XIII вв. сохраняли свои этнографические особенности (в частности, модели женских височных колец), в связи с этим нет оснований сомневаться, что в ту эпоху различались и племенные позднепраславянские диалекты, потенциально способные трансформироваться в отдельные восточнославянские языки. «Если бы древненовгородское государство продолжало самостоятельное существование, этот процесс (самостоятельного развития древненовгородского диалекта. – С.Н.) должен был бы привести к формированию особого восточнославянского языка, подобно, например, белорусскому или украинскому» [4. С. 7]. История древненовгородского диалекта показывает, что в XII в. он отличался от ростово-суздальского диалекта во многом значительно, чем современные новгородские и восточнорусские говоры между собою, что объясняется продуктивной междиалектной конвергенцией в централизованной Московской Руси.

В [1; 2; 3] были подробно рассмотрены пучки изоглосс, предположительно связанных с диалектами кривичей, а также намечены связи особенностей совре-

Николаев Сергей Львович – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Восточнославянский диалектный корпус: праславянское наследие и лингвогеография»).

менных русских говоров с племенными диалектами «славян Верхнего Дона» [3. С. 37–39], вятичей [3. С. 39–42] и древнерусского ростово-суздальского диалекта. На нем говорили потомки славян, заселивших Волго-Клязьминское междуречье в V–VI вв.¹; непосредственными потомками этого древнерусского диалекта являются владимирско-поволжские говоры. В работах [1; 2; 3] была поставлена проблема образования «кривичского пояса» – среднерусской зоны со следами интенсивного смоленско-кривичского влияния, простирающейся в юго-восточном направлении от верхневолжских озер до русских говоров на территории Мордовии [1. С. 137–139].

В [2. С. 188–189] была дана классификация кривичских групп говоров, объединяемых в шесть диалектов, в число которых входят смоленский, полоцкий и западный. Археологически смоленские и полоцкие кривичи были относительно однородны, но, по-видимому, говоры смоленских кривичей, находившихся в тесном контакте с диалектами вятичей и радимичей, заметно отличались от полоцких, которые являлись переходными к западнокривичскому диалекту, на котором в древнерусскую эпоху говорили славяне в северо-западной Белоруссии, на территории с преимущественно балтоязычным населением. «Археологические материалы свидетельствуют, что, как и некоторые другие летописные племена, кривичи являлись прежде всего этнической (этнографической) группой восточного славянства VI–XIII вв. Образование территории Смоленской земли во многом обусловлено историей и расселением смоленских кривичей. В XII в. политическая территория Смоленщины совпадала с этнографической кривичской» [6. С. 242; рис. 1]. Согласно данным археологии, смоленские кривичи населяли и территорию в верхнем течении р. Москвы и ее левых притоков [6. С. 250. Рис. 2]. Приток носителей близких к верхневолжским восточносмоленскими кривичских говоров в Тверское Поволжье и в местность к западу от Москвы происходил и позднее: «Вторжения монголо-татар на тверскую территорию не привели к ее запустению и обезлюдению. Дело в том, что с 40-х годов XIII в. усилился натиск Литвы на западные русские земли, и население этих земель стало сдвигаться к востоку в районы Твери, отчасти Москвы» [7. С. 109].

Верхневолжские (тверские) кривичи рано обособились от основного смоленско-полоцкого массива, и диалект, обозначаемый ниже как «диалект верхневолжских кривичей», «диалект тверских кривичей» или «древнетверской диалект», провел ряд специфических инноваций, сохранив при этом ряд архаизмов. Согласно данным археологии, в IX–XIII вв. курганы смоленско-полоцких кривичей компактно располагались вдоль тверского участка Волги [8. Карта 25]. В Волго-Окском междуречье верхневолжские кривичские говоры находились на «ростово-суздальском» субстрате. Современными потомками древнерусского ростово-суздальского диалекта являются владимиро-поволжские говоры. Этноопределяющим признаком славянского племени, говорившего на ростово-суздальском диалекте, являются браслетообразные височные кольца с сомкнутыми (или слегка заходящими) концами [8. С. 194–195; 5. С. 388–397].

Диалект тверских кривичей, представленный в ряде тверских грамот, в тексте «Хождения за три моря» Афанасия Никитина (XV в.)² и в современных говорах

¹ «Носители браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами, осевшие в западных районах Волго-Окского региона и в междуречье Волги и Клязьмы, занятых балтскими и поволжско-финскими племенами, включили аборигенов в единый этногенетический процесс, и это новообразование стало ядром-основой древнерусского населения Северо-Восточной Руси» [5. С. 394]. См. там же о согласованности результатов археологических и историко-диалектологических исследований в Волго-Клязьминском междуречье.

² Из ранних (XV–XVI вв.) полных списков диалектные особенности наиболее последовательно сохранены в древнейшем Троицком списке, в отличие от Эгтерова списка не подвергнутому лингвистической редакции переписчика.

тверского ареала, сформировался в контакте с восточноновгородскими и ростово-суздальскими говорами. Основной массив древнетверских изоглоссов находился в границах Переяславского княжества в XIII в. и Тверского княжества XIV в. [7. С. 102, 145–198]. Судя по данным диалектологии, говоры, которые можно считать потомками диалекта верхневолжских (тверских) кривичей на их первоначальной территории, располагаются в ареале, ограниченном линией Вышний Волочек – Бежецк – Калязин – Клин – Москва – Сычевка – Ржев – Торжок – Вышний Волочек.

Современные русские говоры, восходящие к древнерусскому верхневолжскому (тверскому) диалекту, образуют ограниченную пучком изоглоссов «тверскую зону» между восточноновгородским и ростово-суздальским ареалами на русском Севере. Западная граница тверских изоглоссов к северу от Вышнего Волочка идет на северо-северо-восток к Вытегре, а восточная и южная – по р. Сухоне. Тверские изоглоссы компактно расположены между Белоозером и Рыбинским водохранилищем. В северном ареале распространены такие верхневолжские архаизмы, как основы **tob-*, **sob-* в род.–вин. *тоб'а*, *соб'а*, трактовка заударных редуцированных как сильных (*ол'еха*) – явление, отмеченное также для говоров в верховьях Волги.

Население, говорившее на восточнокривичских, в том числе верхневолжских (тверских) кривичских говорах, по-видимому, составляло значительное число жителей древней Москвы, о чем свидетельствует преобладание «кривичских» форм над ростово-суздальскими в языке московских грамот XIV – начала XV вв. [9]³. Характерные особенности восточнокривичских говоров (такие как род.–вин. ед. *тобе*, *собе*; развитие **ь* > *i* перед **-ь-* следующего слога: *Смольнескъ* ~ *Смолньска*, ср. *д'ин'* < **днь* и т. п. в современных верхневолжских и тверских говорах; неразличение форм род., дат. и местн. п. ед. ч. «мягких» *a*-основ) представлены во всем тексте Лаврентьевской летописи.

В результате относительно древнего переселения носителей верхневолжских говоров в Среднее Поочье в тамошних среднерусских говорах обнаруживаются такие «тверские» черты, как *-x* в род. мн. (без сопутствующего появления гиперкорректного *-ѣ*), *-jѣ* в род. ед. местоимений (на фоне *-jo* в окружающих говорах).

Четкой юго-западной границы между тверским диалектом и основным массивом смоленско-кривичских говоров нет. По мере приближения к Смоленску специфические тверские изоглоссы «затухают» и появляются специфические смоленские, такие как смоленский тип рефлексов трех палатализаций веллярных согласных. В диалекте собственно смоленских кривичей отчасти до падения редуцированных, т. е. еще в позднепраславянскую эпоху, а по большей части в XIII–XV в., был проведен ряд инноваций, многие из которых являются общими для всего восточнославянского Юго-Запада и которые позволяют альтернативно рассматривать западнорусские смоленские и брянские говоры в рамках диалектологии белорусского и украинского языков. Пучок изоглоссов между собственно смоленско-кривичским, с одной стороны, и псковским и верхневолжским ареалами – с другой, в настоящее время проходит приблизительно по изоглоссе диссимилятивного аканья.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЕ (ТВЕРСКИЕ) ИЗОГЛОССЫ

К пучку изоглоссов древнерусского периода, отделяющих диалект верхневолжских (тверских) кривичей от сопредельных древнерусских диалектов, в частности, относятся следующие явления.

³ Влияние на древнемосковский диалект со стороны южных, восходящих в племенному диалекту вятичей, говоров проблематично, так как в памятниках XIV–XV вв. не обнаруживается ни одной специфической «вятичской» черты – в частности, в них нет регулярных форм на *-ѣ* в род. п. от «мягких» основ (*землѣ*, *кѣнагынѣ*), которые использовались в стандартном («киевском») древнерусском языке и сохранились донныне в говорах южной части Московской области.

Иновации:

1. Синкретизм окончаний род., дат. и местн. п. ед. ч. «мягких» *a*-основ: род.=дат.=вин. *земли* при сохранении праслав. оппозиции у «твердых» основ: род. *воды* ~ дат.=местн. *водѣ* – в отличие от новгородского синкретизма род.=дат.=местн. *водѣ, землѣ / воды, земли* и генерализации «твердого» варианта в ростово-суздальском. Общекириллическая (?) инновация.

2. Сохранение интервокального сочетания **tl* только в форме *l*-причастия глагола **ѣтъ*: *-чкла, -чкли* – в восточноновгородском и ростово-суздальском **-tl-* > *-l-* во всех позициях.

3. Нефонетическое *-x* в род. п. мн. ч. (др.-тверск. *содѣмланехъ, та|марѣ^x*, совр. *отцѣх, трудѣх, зайцех*). Частичный синкретизм род. и местн. п. мн. ч. в основах вызвал появление гиперкорректного *-ѣ* в род. и местн. п. мн. ч. существительных и прилагательных на значительной части тверского ареала (*в домаѣ, в/из молодыѣ*, см. комментарий ниже).

4. Основа **tob-*, **sob-* в род. п. *тобѣ/тобѣ, собѣ/собѣ* – в отличие от вост.-новг. и рост.-сузд. *тебе (тебя), себе (себя)*.

Архаизмы:

1. Окончание род. п. ед. ч. ж. р. местоимений и числительных **-jě* > **-jě* > *-jie* (*-ѣ*) под ударением – в отличие от вост.-новг. *-jě* > *-(j)i* и рост.-сузд. **-jě* > *-jě (?)* > *-je* > *-jo*.

2. Тернарная система рефлексов велярных в позициях трех палатализаций {**k^e* > *č* ↔ **k^e* > *č* ↔ **k* > *c*} – в отличие от восточноновгородского «полного цоканья» и стандартной общеславянской системы в ростово-суздальском.

3. Окончание 3 л. презенса *-тъ* < **-тъ* – в отличие от вост.-новг. и рост.-сузд. *-тъ* < **-тъ*.

4. Сохранение чередования заднеязычных с аффрикатами (*к/ц, з/з, х/с*) в словоизменении – в отличие от восточноновгородского и ростово-суздальского, в которых это чередование, по-видимому, утратилось в дописьменную эпоху.

Некоторые из перечисленных явлений показаны на картах 1 и 2.

Комментарии к изоглоссам

Иновации

1. Синкретизм окончаний род., дат. и местн. п. ед. ч. существительных II склонения с мягкой основой: род.=дат.=местн. *земли* (при сохранении оппозиции род. *воды* дат.=местн. *водѣ*) ([10. Вып. II. Карты 1 и 2]; карта в [11]).

Праславянская система {*воды~водѣ~землѣ~земли*} в современных восточнославянских языках сохранилась, по-видимому, только в закарпатских и лемковских говорах украинского языка. В древнерусских памятниках в чистом виде эта система представлена только в языке древнейших смоленских грамот (см. ниже).

Синкретическая система {*водѣ=водѣ=землѣ=землѣ*} с генерализацией окончания *-ѣ* была характерным признаком древненовгородского городского диалекта [4. С. 95–99]. Эта же система отмечена в нескольких современных говорах псковско-новгородского ареала [11]. По-видимому, более древние, с неполным синкретизмом системы сохранялись на юго-западной периферии Новгородской земли. В частности, в говоре д. Разино Селижаровского р-на Тверской обл., находящейся рядом с д. Хотшино и городищем новгородского поселения Хотшин:

	окончание		«твердое» склонение	«мягкое» склонение
род.	под ударением	с предлогом	<i>-ѣ</i>	<i>-ѣ</i>
		без предлога	<i>-ѣ́</i>	<i>-ѣ</i>
	безударное		<i>-e</i>	<i>-e</i>
дат. и местн.	под ударением		<i>-ѣ</i>	<i>-ѣ</i>
	безударное		<i>-e</i>	<i>-e</i>

В верхневолжских говорах внутри изоглоссы отсутствия окончаний *-т*, *-т'* 3 л. в глаголах (*несѣ, ходи; несѹ, хodia* [10. Вып. II. Карты 80–81]) отмечена система с генерализацией окончаний «мягкого» склонения: {*водѣ~воды~землѣ~земли*}.

Современная (восточно)новгородская система {*воды=воды=земли=земли*} имеет во всех трех падежах окончание *-ы* в склонении «твердых» и *-и/-ы* в склонении «мягких» основ [11. С. 181]. Эта система сосуществует с более редкой в современных говорах синкретической системой {*води=води=земли=земли*} с генерализованным *-и < *-ѣ*, известной начиная с новгородских берестяных грамот позднего периода [4. С. 96–98].

В псковско-кривичском диалекте (в том числе в древнепсковских берестяных и пергаменных грамотах XIII–XIV вв. [12. С. 214]) представлена система с генерализацией *-ѣ* в «твердых» основах и генерализацией *-и* в «мягких» основах {*водѣ=водѣ~земли=земли*}. По-видимому, эта система восходит к описываемой ниже системе {*воды~водѣ~земли=земли*}, с обобщением окончаний род., дат. и местн. п. не только в «мягком», но и в «твердом» варианте склонения.

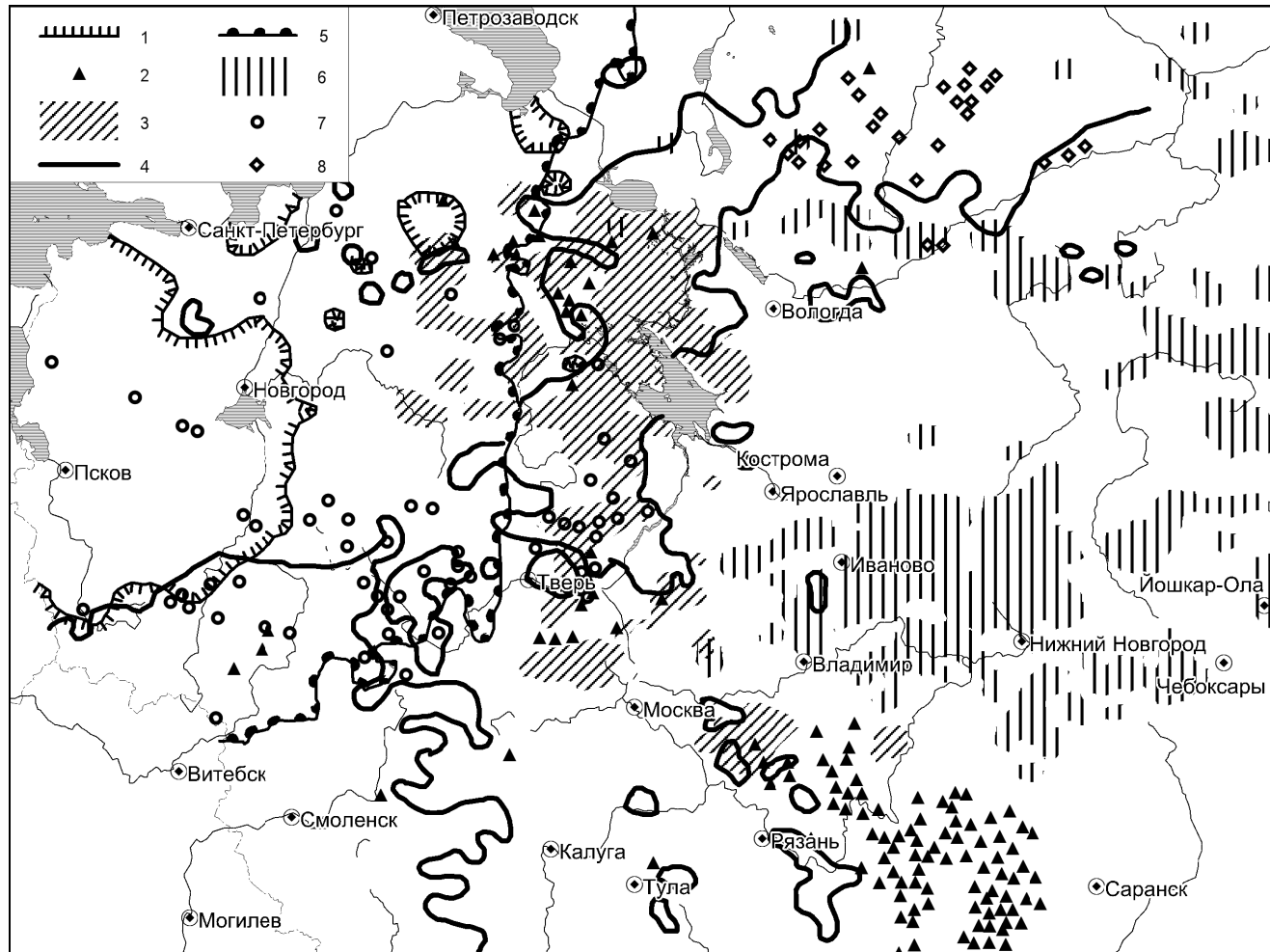
«Праславянская» система {*воды~водѣ~землѣ~земли*} представлена в городском диалекте Смоленска XIII в.: она отражена в «Договоре неизвестного князя с Ригою и Готским берегом» [13. С. 10–13] и в списках «Торгового договора Смоленска с Ригою и Готским берегом» 1223–1225, 1229 гг., первой половины XIII в. и в копии первой половины XIV в. [13. С. 20–25, 30–52]. Система {*воды~водѣ~земли=земли*} с сохранением оппозиции падежей в «твердом» склонении и с синкретизмом в «мягком» характерна для белорусских говоров смоленско-полоцкого происхождения, была стандартной в белорусской «простой мове» XV–XVIII вв.⁴ и является литературной белорусской нормой⁵. Такая же система представлена в списке В (готландская редакция) «Торгового договора Смоленска с Ригою и Готским берегом» 1297–1300 гг. [13. С. 25–30].

Система {*воды~водѣ~земли=земли*} представлена в старейшем памятнике тверского диалекта «Хождение за три моря» Афанасия Никитина: в близком к протографу Трицком списке у «мягких» основ устойчивое окончание *-и* в род., дат. и местн. п. [18. С. 11–30]. В предположительно московской по языку Софийской 1-й летописи старшего извода (рукопись XV в., [19]), в частности, в тексте «Повести временных лет», представлена последовательная система {*воды~водѣ~земли=земли*}⁶. В московских грамотах XIV–XV вв. формы род. п. «мягкого» склонения всегда имеют окончание *-и*, а дат. и местн. на *-и* и на *-ѣ* сосуществуют, при этом численное соотношение форм на *-и* и на *-ѣ* изменяется от XIV к XV в. в пользу последнего (см. тексты в [9]).

⁴ См., например, тексты в [14].

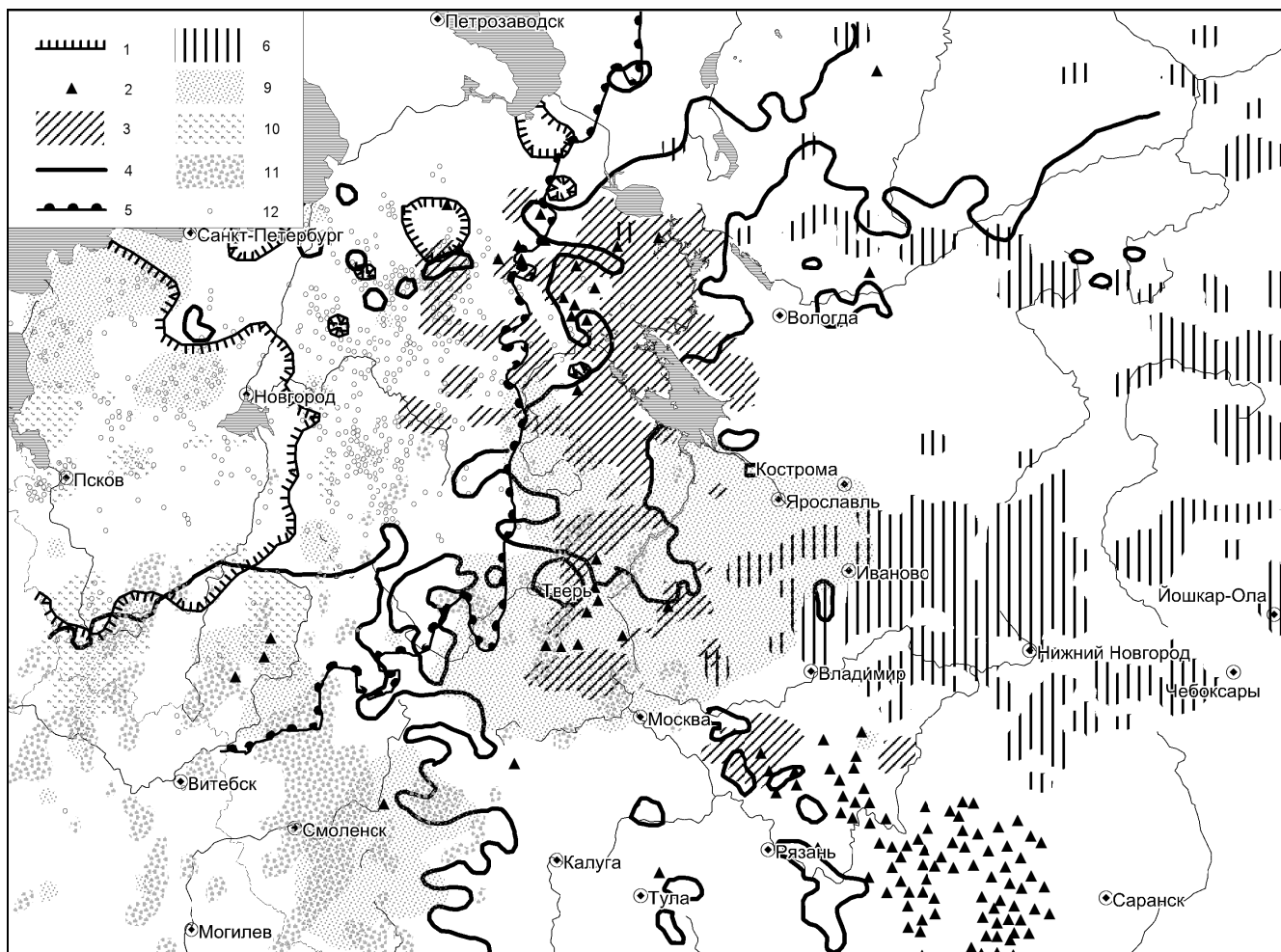
⁵ В смоленско-кривичских по происхождению говорах также отмечены несколько систем со сложным распределением *-ы/-и* и *-ѣ*, возникшие в результате перераспределения окончаний «твердого» и «мягкого» вариантов склонения [15; 16; 11; 17]. Синкретизм падежей «мягкого» варианта характерен также для восточнославянских диалектов к югу и юго-западу от кривичского ареала: система {*воды~водѣ~землѣ=землѣ*}, в которой, по контрасту к «кривичской», в «мягком» типе склонения генерализовалось генетивное *-ѣ*; она распространена в украинских говорах, в частности, является украинской литературной нормой.

⁶ За исключением немногих архаических форм на *-ѣ* в род. п., по-видимому, перенесенных из протографа ПВЛ, ср. *от Малушѣ ключници* (л. 47). Характерной чертой древнетверского (судя по тверским грамотам и «Хождению» Афанасия Никитина) и древнемосковского диалектов (судя по грамотам начиная с XIV в.) является окончание *-ѣхъ* в «мягких» основах м. р., заимствованное из «твердых» основ. В местн. п. ед. ч. «мягких» *о*-основ в тверских и московских памятниках отмечены как старые формы на *-и*, так и новые на *-ѣ* (*на конѣ, въ сельцѣ*). Старое окончание *-ѣ* в вин. п. мн. ч. «мягких» *о*-основ и в им.-вин. п. мн. ч. *а*-основ в древнетверском и древнемосковском диалектах последовательно заменено вторичным *-и* по аналогии с «твердыми» основами: *кони* вместо **конѣ, земли* вместо **землѣ*.

Карта 1.

1. Др.-псковская система палатализаций заднеязычных (без аффрикатизации) в позиции II палатализации)
2. Окончания *-ox, -ex* род. п. мн. ч. (*дворох, зайцех*)
3. Окончание *-ф* в род. и местн. мн. ч. (*домаф, молодыф*)
4. Рефлекс *-jě > -jé* в окончании род. п. ед. ч. ж. р. местоимений и числительных (*её/её, самоё/-ё, одноё/-ё*)
5. Восточная и южная граница распространения генерализованного окончания *-ы/-и* в род., дат. и местн. п. ед. ч. *a*-основ (*води-води-води; земли-земли-земли*)
6. Изоглосса вторичного *-ѣ* в *крич-ѣ-, дыш-ѣ-, дич-ѣ-* и т. п. (*кричѣл, -ла, дышиѣл, -ла, одичѣл, -ла* и т. п.)
7. Рефлекс *-kl- < *-tl-* в **-сьтла, *-сьтлі* (*проклá, прочкíи* и т. д.)
8. Рефлекс *ól'exa < *oľxa*

Карта 2.

1–6 — см. карту 1

9. Распространение браслетообразных (незавязанных) височных колец [8. Карта 36]

10. Область расселения кривичей псковских в IX–XII вв. (по [8. Карта 26])

11. Курганы смоленско-полоцких кривичей IX–XIII вв. (по [8. Карта 25])

12. Распространение новгородских жальников (по [8. Карта 32])

По всему тексту Лаврентьевской летописи [20] в род. и дат.–местн. п. ед. ч. «мягких» *a*-основ встречаются окончания *-ѣ* и *-и*; другими словами, как и в других верхневолжских системах, в Лаврентьевской летописи осуществлен синкретизм окончаний род., дат. и местн. падежей «мягких» *a*-основ⁷.

Начиная с XVI в. в московском диалекте преобладает система {*воды~водѣ=земли~землѣ*}, см. тексты в [9]. Эта система, в которой «мягкие» *a*-основы имеют окончания «твердых» (также «твердое» окончание используется в местн. п. *o*-основ, *на конѣ* вместо **на кони*), широко распространена в говорах ростово-суздальского происхождения к востоку и северо-востоку от Москвы и является русской литературной нормой. Эта система стала характерной для московского диалекта и в дальнейшем русского литературного языка наряду с другими ростово-суздальскими признаками, такими как «твердое» окончание *-тъ* в 3 л. наст.–буд. вр., **ѣ > i* в *сидѣти*, *сидитѣ*, *дита*, *-ы-* вместо *-и-* в *крыло*.

Судя по рефлексу **-ѣ* в род., дат. и местн. п. *i*-основ (*нет пече*, *к пече*, *на пече* [10. Вып. II. Карты 4–7]), в обширном ареале к юго-востоку от Москвы в говорах, генетически связанных с диалектом «славян Верхнего Дона», достаточно рано произошла генерализация окончания род. п. *-ѣ* в «мягких» *a*-основах и сформировалась система {*воды~водѣ~землѣ=землѣ*}⁸. Эта же система характерна для полесских белорусских и украинских, слобожанских, подольских и волынских украинских говоров и является украинской литературной нормой: вост.-полесск. род. *vody*, дат. и местн. *vod'jé ~* род. *zeml'jé*, дат. и местн. *zeml'jé*; укр. литерат. род. *води*, дат. и местн. *воді* ~ род. *землі*, дат. и местн. *землі*.

система	«твердые» основы		«мягкие» основы	
	род. ед.	дат., местн. ед.	род. ед.	дат., местн. ед.
праславянская	* <i>vody</i>	* <i>vodě</i>	* <i>zemljě</i>	* <i>zemlji</i>
древнесмоленская, карпатоукраинская	<i>воды</i>	<i>водѣ</i>	<i>землѣ</i>	<i>земли</i>
древненовгородская	<i>водѣ</i>	<i>водѣ</i>	<i>землѣ</i>	<i>землѣ</i>
восточноновгородская	<i>воды</i>	<i>воды</i>	<i>земли</i>	<i>земли</i>
псковская	<i>водѣ</i>	<i>водѣ</i>	<i>земли</i>	<i>земли</i>
Лаврентьевская летопись	<i>воды</i>	<i>водѣ</i>	<i>земли/землѣ</i>	<i>земли/землѣ</i>
белорусская, смоленско-кривичская, верхневолжская, древнетверская, древнемосковская	<i>воды</i>	<i>водѣ</i>	<i>земли</i>	<i>земли</i>
юго-восточная русская, полесская укр. и белор., волынская и литер. украинская	<i>воды</i>	<i>водѣ</i>	<i>землѣ</i>	<i>землѣ</i>
ростово-суздальская, литер. русская	<i>воды</i>	<i>водѣ</i>	<i>земли</i>	<i>землѣ</i>

⁷ По всему тексту Лаврентьевской летописи также представлена вариативность использования окончания *-ѣ/-и* в им.-вин. п. мн. ч. *a*-основ (*землѣ/земли*) и вин. п. мн. ч. *o*-основ (*конѣ/кони*), имеющего окончание *-и* в древнетверском, древнемосковском и в современных восточнорусских говорах.

⁸ В современных южнорусских говорах широко представлены системы, осложненные зависимостью выбора окончания от наличия/отсутствия предлога, см. описание одной из таких систем в говоре д. Огорь Жиздринского р-на Калужской обл. в [21. С. 361–372].

2. Сохранение сочетания согласных на месте *tl в форме /-причастия глагола *čьtq ([22], ответы на вопрос 670).

Рефлексы *čьtla > -чкла, *čьtli > -чкли представлены не только в говорах псковско-новгородского ареала (что ожидается из-за распространенного там рефлекса *-tl- > -кл-), но и на северо-восточной периферии смоленского диалекта, а также в регионе между Бежецком и Клином, включая Тверь, и sporadически в северных говорах на территории вторичного расселения (см. материалы ДАРЯ в [2. С. 191–192]). Кроме сохранения -кл- в специфической позиции -чкл- < -čьtl-, в смоленском и тверском диалектах не известен интервокальный рефлекс *-tl- > -кл-/зл-, характерный для псковско-западноновгородского ареала. В современных говорах верхневолжского (тверского) ареала, в отличие от смоленского, рефлекс кл- < *tl- не обнаружен [2. С. 190–198]. Впрочем, не исключено, что диалектные формы неточной локализации *клѣшка* ‘игла наподобие иглы для плетения сетей для привязывания снопов к жердям на кровле’ Верхнее Поволжье, Моск., Влад. [24. Вып. 13. С. 292] < *tleščka ‘раздвоенная палочка’ (чеш. *dlaška*); *кляпы* ‘руки и ноги’ Нижегород. [24. Вып. 13. С. 265] < *tlapa ‘лапа’ (чеш. *tlapa*, словц. *tlapa*) происходят из диалекта верхневолжских кривичей.

3. Окончание -x в род. п. мн. ч. (*отцѣхъ, трудѣхъ, зайцѣхъ* и т. п.) [10. Вып. II. Карта 39].

Речь идет о нефонетической замене -ов/-ев род. п. мн. ч. на *-овъ в склонении существительных м. р. окончанием -ох/-ех, компонент -x в котором заимствован из древнерусских окончаний местн. п. мн. ч. -ѣхъ, -ихъ, -ьхъ, -ьхъ. На территории старого расселения смоленско-полоцких кривичей такое явление отмечено в говорах по верхнему течению Западной Двины. За пределами «кривичской» территории окончание -ох имеет широкое распространение, в частности, в Тверском Поволжье и обширном диалектном массиве в междуречье Мологи и Суды, т. е. в ареале рассматриваемых здесь тверских изоглосс⁹.

В современных русских говорах, в которых отмечено окончание -ох род. п. мн. ч., в качестве окончания местн. п. мн. ч. используется -ах. По-видимому, в тверском регионе окончание -ѣхъ (-ехъ) во мн. ч. существительных мужского рода II склонения было живым сравнительно недавно. В частности, в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина (конец XV в.) основы м. р. II склонения не присоединяли вторичных окончаний дат. -амъ, тв. -ами, местн. -ахъ, отмечены только -омъ/-емъ, -ы/-и, -ѣхъ¹⁰.

Есть основания полагать, что одной из позиций смещения окончаний этих падежей был мягкий вариант склонения о-основ, в котором безударное -ѣхъ (-ехъ) местн. п. стало заменять род. п. мн. ч., первоначально в предложных конструкциях. Примером смещения форм род. и местн. п. мн. ч. в древнерусском может служить архаичная система московской рукописи конца XVI в. (датирована 1557 г.) «Слова Максима Грека» (РГБ. Ф. 310. № 487), говор 1-го и 2-го писцов которой на основании фонетических и акцентуационных особенностей может быть локализован в ареале от Москвы до линии Торжок – Тверь – Кашин: *пáче ... содѣмлянехъ* 476, род. п. мн. ч. *ѡбычае^x* 65б, *распѣнии^x* || *шодѣе^x* 70а–б, *оу безѣбрны^x* та|тарѣ^x 71б и т. д. Взаимоуподоблению форм род. и местн. п. мн. ч. в других основах могла способствовать аналогия со склонением местоимений, числительных и прилагательных, где эти падежные формы омонимичны.

⁹ Еще один крупный массив говоров с -x в род. п. располагается на юго-востоке «кривичского пояса» от Касимова на юг до Моршанска и на восток до среднего течения Мокши.

¹⁰ В отличие от о-основ м. р., основы ср. р., имевшие мн. ч. на *-а, по-видимому, могли образовывать косвенные падежи от а-основы уже в позднем праславянском.

Более широко, чем окончание *-ox/-ex* в род. п. мн. ч., в говорах представлено окончание *-[ф]* в род. и местн. п. мн. ч. существительных и прилагательных: *в до-ма́[ф], на местá[ф], в я́года[ф]; без/в молоды́[ф], из/в бѣлы[ф]* [10. Вып. II. Карта 39]. Как показывает картографирование, ареал синкретического *-ф* в род.–местн. мн. в общем совпадает с ареалом синкретического *-x* в тех же падежах, что, ввиду явной архаичности *x*-синкретизма, может говорить о замене *-x* на *-ф* в результате гиперкоррекции. Отметим, что в говорах, имеющих сонантический рефлекс слав. **-въ* > [w], [v], отмечен только род. мн. на *-ox/-ex*, тогда как «*ф*-синкретизм» характерен только для говоров с фонетическим развитием **-въ* > [f].

Окончание род. п. *-ox/-ex* в склонении существительных II скл. является одним из отличительных признаков юго-восточной части «кривичского пояса» – в говорах Мещеры и в ареале между Окой и Мокшей, см. [1. С. 139].

4. Основа **tob-*, **sob-* в род. п.: *тобѣ/тобѣя, собѣ/собѣя* [10. Вып. II. Карта 61].

Основа **tob-*, **sob-* не только в твор. *тобою/тобой, собою/собою* и дат. и местн. п. *тобѣ, собѣ*, но и в род. *тобѣ/тобѣя, собѣ/собѣя* в говорах к северу от Москвы отмечена, с одной стороны, в отдельных псковских, западноновгородских и торопецко-верхневолжских, и с другой – в ареале тверских изоглоссов от Торжка и Углича до Каргополя и Вельска.

В говорах восточноновгородского и ростово-суздальского ареалов эти формы не используются (за исключением единичных говоров, происхождение которых неизвестно). Формы *тобѣ/тобѣя, собѣ/собѣя* регулярно употребляются в древнетверском «Хожении» Афанасия Никитина, в тверских и московских грамотах XIV–XV вв. Род.–вин. ед. *тобе, собе* характерен также для всего текста Лаврентьевской летописи. В древнерусских ростово-суздальском и новгородском диалектах род. п. с основами *тоб-*, *соб-* не отмечен [4. С. 130–131].

Архаизмы

1. Окончание род. п. ед. ч. ж. р. местоимений и числительных **-jě* > **-jě* > *-jě* [10. Вып. II. Карты 64–67, 93].

Находящиеся под ударением рефлексы окончания **-jě* в русских говорах широко представлены в формах род. п. ед. ч. ж. р. **jejě, *njejě* (в большей части говоров эти формы используются и для вин. п. ед. ч.) и **tojě, *tujě*; реже компонент **-jě* находится под ударением в формах род. п. от других местоимений и числительных: **samojě, *edьnojě*.

В восточноновгородских говорах представлен род. п. ед. ч. *jej (n'ej), тоj, самój, одно́j* с ильменско-словенским **-jě* > **-jě* > **-jê* > *-(j)i*, ср. род. п. ед. ч. ж. р. *ei* в ранней берестяной грамоте № 531. В новгородской Синодальной 1-й летописи местоименным (не ц.-слав.) окончанием является *-ou/-ei* [4. С. 126–127].

В смоленско-кривичском и тверском диалектах местоименным окончанием являлось ударное *-jé /jê/* < **-jě* : *jejé (n'ejé), тоjé, самоjé, одноjé* (в говорах с различием «двух е» рефлекс ятя – *jejé, n'ejé*, также *tojé, samojé*), такое же окончание представлено в западных и юго-западных русских, во всех украинских и белорусских говорах.

В северо-восточных говорах между Сухоной и Волгой, в восточных говорах (имеющих ростово-суздальское происхождение) и в юго-восточных говорах (восходящих к племенным диалектам «славян Верхнего Дона» и вятичей) окончание род. п. под ударением имеет рефлекс **-jě* > **-jě (?)*¹¹ > **-je* > *-jo: jejó (n'ejó)*, так-

¹¹ Ср. развитие **-se* > **-se* > *-c'o* в возвратной частице в этом же ареале [10. Вып. II. Карты 105, 106].

же *tojó*, *samojó* [10. Вып. II. Карта 67]. По-видимому, такое же развитие происходило в безударных слогах, судя по рефлексу омонимичного окончания им.-вин. п. мн. ч. $*-j\check{e} > *-j\epsilon (?) > *-je > -jo (> -ja$ в говорах с заударным аканьем): *молоды́*[jo], *малоды́*[ja], *малады́*[ja] [10. Вып. II. Карты 49–50].

2. Тернарная система рефлексов заднеязычных в позициях трех палатализаций.

В южно- и западнославянских языках, в литературных украинском, белорусском и русском языках представлена бинарная система оппозиции рефлексов трех палатализаций заднеязычных $\{*k^e > \check{c}' \Leftrightarrow *k^e + *i^i k > c'; *x^e > \check{s}' \Leftrightarrow *x^e + *i^i x > s'\}$: др.-рус. **чисть**, **шатати са**; **цѣль**, **сѣрь**; **отць**, **вьсь**; чеш. *čisty*, *šátati*; *celý*, *šerý*; *otec*, др.-чеш. *veš*.

Среди восточнославянских диалектов представлены системы с другой комбинацией рефлексов палатализаций, а также тернарная система с оппозицией всех трех рефлексов.

Древнепсковская система «без второй палатализации» (в действительности без аффрикатизации палатальных смычных) $\{*k^e + *i^i k > c' \Leftrightarrow *k^e > \hat{k}; *x^e + *i^i x > \hat{x}/s' \Leftrightarrow *k^e > \hat{k}; *x^e > \hat{x}\}$ широко известна из псковско-новгородского ареала. В древнепсковском и в западном древненовгородском диалектах велярные в позиции II прогрессивной палатализации (k^e -палатализации) имеют велярные рефлексы – по материалам берестяных грамот, рукописей и топонимики: др.-новг. *кѣле*, *крѣвь*, *хѣрь*, *Хѣрово*, *Хѣдово* [4. С. 41–45]. Сводки материалов по k' -, m' -[k -] на месте общеслав. $*c$ - см. [25; 26; 1]. Слав. $*k\check{e}r\check{y}$ = $*c\check{e}r\check{y}$ ‘цеп’ и ‘принадлежность ткацкого станка’ (лексически разошедшиеся однокоренные производные от корня $*k\check{e}r$ -), $*k\check{e}rati$ = $*c\check{e}rati$: *к'еп*, *к'епок*, *к'еп'ец* и т. п. [22; 27; 24]; *кѣпать* [27]; $*k\check{e}v\check{y}$ = $*c\check{e}v\check{y}$ ‘трубка, цевка’: *к'евь*, *к'евка*, *к'ев'ина/т'ев'ина*, *к'ев'јо/т'ев'јо* и т. д. [22; 27; 24]; $*k\check{e}diti$ ‘цедить’ и $*k\check{e}d\check{y}$ ‘процеженный настой’: *кедѣть*, *кедѣшка*, *кедѣлка* [22; 27], *кеж* [24], *кѣша* [27].

В псковских и новгородских говорах также отмечена *новопсковская* система с «аффрикатным» отражением праславянских заднеязычных в позиции II палатализации: $\{*k^e + *i^i k > c' \Leftrightarrow *k^e > \hat{c}; *x^e + *i^i x > s' \Leftrightarrow *k^e > \hat{k}; *x^e > \hat{s}\}$. Например, [22. Сев.-Зап. 26] *часы*, *в'ецно*, *аконцал*, *в'ецер*, *цѣтáйт*, *цѣтыр'е* \Leftrightarrow *ц'ѣльы*, *ц'ѣло* \Leftrightarrow *афцá*, *јаиц*, *каниóm*, *ат'ѣц*, *агуриóф*, *пáл'цы*, *сónце*, *палат'енца*, *м'эл'ница* [1. С. 146–147. Карта на с. 126–127]. Эта система, вероятно, является локальным развитием разобранной выше древнепсковской системы. Новопсковскую систему также можно предполагать для одного из вариантов языка Новгорода начиная с XII в., что следует из анализа графической системы новгородских рукописей, сделанного В. М. Живовым [28]¹².

В западнорусских говорах¹³, на северной смоленско-кривичской периферии, включая ареал между верховьями Ловати и Волги, отмечена *смоленская* система, которая схематично изображается как $\{*k^e + *i^i k > \check{c}' \Leftrightarrow *i^i k > c'; *x^e + *i^i x > \check{s}' \Leftrightarrow *i^i x > s'\}$. В этой системе совпадают результаты I и II палатализаций. Рефлексом $*k$ в позиции I и II палатализаций является шипящая аффриката $*\check{c}' (> \check{c}', \check{c})$. В позиции III палатализации ей была противопоставлена мягкая (судя по

¹² В. М. Живов показал, что для некоторых новгородских писцов было нерелевантным различие рефлексов $*k$ в позиции I и III палатализации (здесь писалось *ц* или *ч* вне зависимости от этимологии), тогда как рефлекс $*k$ в позиции II палатализации записывался в виде *ц*. В. М. Живов предположил, что эта буква использовалась для передачи живого произношения [k] на месте праслав. $*k$ в позиции II палатализации. Однако более вероятным кажется предположение, что описанная В. М. Живовым графическая система отражала развитие древненовгородской системы в части говоров, в которых произошла аффрикатизация палатального $\hat{k} > \hat{c}$.

¹³ Данные сопредельных северо-восточных белорусских говоров нам неизвестны.

отсутствию перехода $e > 'o$ в таких формах, как *ат'эц, йай'эц, чап'эц* свистящая аффриката *с'. Например, [22. Зап. 144] *н'ич'аво, унуч'ек, ўскоч'ит', мал'ц'ик* \Leftrightarrow *ч'еркѣв* \Leftrightarrow *ул'ица, кър'ица, нь канцѣ, зѣиц* [1. С. 145. Карта на с. 126–127]. В эту систему органично включается рефлекс *хѣ > *ѕ' в смоленско-, полоцко- и западнокривичском ареалах, *хѣгъѣ > *шеры(й)* [1]¹⁴.

Помимо стандартной бинарной системы рефлексации *k в позициях «трех палатализаций» (I палат. \Leftrightarrow II+III палат., *чистый* \Leftrightarrow *целый, отец*), в великорусских говорах распространена *тернарная система*, обычно выступающая в виде противопоставления /č'/ или /š'/ (в позиции I палатализации) ~ /c'/ (из *k в позиции II палатализации) ~ c (в позиции III палатализации). Схематически тернарная система изображается как { *k^e > č' \Leftrightarrow *k^e > š' \Leftrightarrow *k > c'; *x^e > š' \Leftrightarrow *x^e > *š \Leftrightarrow *i x > s' }: *ч'истый, широко* \Leftrightarrow *ц'ельї, с'ерыї/шерыї* \Leftrightarrow *от'ец* (с аффрикатой, отвердевшей после развития $e > 'o$), *весь*. Тернарные системы зафиксированы в говорах в верховьях Днепра; в долине р. Угры; между Можайском и Москвой; в говорах между Старицей и Клином; у Велья – иными словами, в центре и на восточной периферии смоленско-кривичского и спорадически на территории тверского диалекта. Рефлексами *k^e и *i k в говорах являются /č/ (ч/ч') и /c/ (ц). Тернарные системы известны для ряда в юго-восточных говорах «верхнедонского» происхождения [1. С. 151–152].

Основные системы рефлексов велярных в позиции трех палатализаций см. в Приложении 3.

3. Окончание 3 л. презенса *-ть [10. Вып. II. Карта 79].

В говорах, имеющих в своей основе кривичский племенной диалект, употребляется или недавно употреблялось «мягкое» окончание *-ть* (*несеть, несутъ*), противопоставленное ростово-суздальскому «твердому» *-ть* (*несеть, несутъ*). Уже в историческое время северо-восточная граница «мягкого» окончания с линии Гдов – Новгород – Вышний Волочек – Калязин сдвинулась к юго-востоку и теперь проходит по линии Псков – Старая Русса – Осташков – Клин. Судя по преобладанию *-ть* над *-ть* в тексте «Хожения» Афанасия Никитина, «мягкое» окончание было первоначально свойственно древнерусским говорам «тверской зоны». На это указывает и наличие *-ть* в современных говорах между Клином и Москвой. «Мягкое» *-ть* характерно для московских грамот XIV – начала XV в., а также для текста Лаврентьевской летописи.

Только «мягкое» окончание употреблялось в древненовгородском диалекте вплоть до XII в. Однако восточноновгородским (по-видимому, еще ильменско-словенским) окончанием было именно «твердое» *-ть*, примеры на которое в берестяных грамотах отмечаются с XIV в. [4. С. 138], т. е. с эпохи решительной «ориентализации» новгородского койне. В современных восточноновгородских говорах «мягкое» окончание не отмечено. «Твердое» окончание характерно также для восточнорусских говоров ростово-суздальского происхождения к северо-востоку от линии Москва – Касимов – Нижний Ломов.

Следующая черта древнетверского диалекта сохранилась только в памятниках письменности:

4. Сохранение чередования заднеязычных с аффрикатами (к/ц, г/з, х/с) в словоизменении.

¹⁴ Видимо, смоленская система отражена в графике ряда смоленских рукописей, где в позиции I и II палатализации встречаются (приблизительно поровну) ц и ч, тогда как в позиции III палатализации – почти исключительно ц [28. С. 290].

В современных русских говорах практически утрачено чередование заднеязычных с аффрикатами (*к/ц, г/з, х/с*) в словоизменении, сохраненное белорусскими говорами, восходящими к смоленско-кривичскому диалекту. Отсутствие этого чередования в псковско-новгородском ареале – на восток до «тверского пояса» – объясняется отсутствием этого чередования в древнем псковско-(западно)новгородском языке [4. С. 42–43]. Судя по поздним новгородским берестяным грамотам, словоизменительная модель без чередования была унаследована новгородским койне, в котором начиная с XIV в. превалировали восточноновгородские формы. В древнетверском диалекте конца XV в., судя по тексту «Хожения за три моря» Афанасия Никитина, чередование *к/ц, г/з, х/с* регулярно происходило, если заднеязычный не находился в сочетании с другими согласными – по Троицкому списку: *на дорозѣ* 378б; *в руцѣ* 375а, 378а; *в ... орѣсе^x* 373а; *в доспѣсѣ* 385а, *в(ѣ) доспѣсе^x* 375а, 376б 377а, 385б, 389а, *в(ѣ) доспѣсехъ* 375а (2×), 384б, 387а, б, 388а, б; *горѣ на высоцѣ* 381б; *по Велицѣ дни* 371б, 372б. Исключение – топоним *Бака ‘Баку’: *к Бакѣ* 371а (2×), *в Бакѣ* 386б. Чередование отсутствует в сочетаниях согласный + заднеязычный: *въ горотѣкѣ* 375а, *в гороткѣ^x* 385а; *по тенкѣ* 381б (тенка ‘деньга’); *на шапкѣ* 385а; *в ка||мкѣ* 385а–б (камка ‘вид ткани’). В московском диалекте XIV–XV вв. чередование *к/ц, г/з, х/с* было, по-видимому, обязательным, кроме сочетания *-ск-*.

За исключением псковско-новгородского ареала, сформированного под сильным влиянием древнепсковского диалекта, в котором заднеязычные не превращались в переднеязычные аффрикаты/спиранты («отсутствие II палатализации»), отсутствие чередований *к/ц, г/з, х/с* в русских диалектах не имеет фонетического объяснения и является результатом их морфо(но)логического устранения, один из этапов которого демонстрируется языком «Хожения». В белорусских говорах как кривичского, так и иного происхождения и в украинском языке чередования по II палатализации сохранили актуальность.

Приложение I

ЗАМЕЧАНИЯ О РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Восточная граница верхневолжских кривичских, в том числе тверских, говоров с ростово-суздальскими образована пучком изоглосс, таких как:

1. Верхневолжск. *-jê* (совр. *еê, одноê*), также вост.-новг. *-ji < -jê ⇔* рост.-сузд. **-je (-к) > -jo* (совр. *еë, одноë*).

2. Верхневолжск. род.–вин. *тобе, собе* (совр. *тобя, собя*) и дат.–местн. *тобѣ, собѣ* ⇔ рост.-сузд. род.–вин. *тебе, себе* (совр. *тебя, себя*) и дат.–местн. *тебѣ, себѣ*; в вост.-новгородском, по-видимому, род.–вин. *тебе, себе*, но дат.–местн. *тобѣ, собѣ*.

3. Верхневолжск. *-ть* в 3 л. презенса (*несеть, несуть*) ⇔ рост.-сузд. *-тъ* (*несеть, несуть*).

4. Верхневолжск. **кричати, *държати, *дышати, *дичати*, так же в вост.-новгородском ⇔ рост.-сузд. **кричѣти, *държѣти, *дышѣти, *дичѣти* с восстановлением суффикса *-ѣ-* по другим *ѣ/i-* и *ѣ/ѣj-* глаголам; ареал форм типа *кричѣти* в современных говорах см. на карте 1 и [10. Вып. II. Карта 103]¹⁵.

¹⁵ При пользовании картой ДАРЯ в расчет нужно принимать только говоры с *-ê-* в форме м., ж. и ср. р. *l-*формы *кричел(-а, -о), дышел(-а, -о)*, так как в инфинитивах *кричать, дышать*, мн. ч. *l-*формы *кричели, дышели -е-* может иметь фонетическое происхождение.

5. Верхневолжск. *дъньце, *одънье, *одънькъ (совр. *донце, одонье, одонок*), так же и в вост.-новгородском ⇔ рост.-сузд. *дъньце, *одънье, *одънькъ (совр. *денце, о[д'э]нье/о[д'й]нье, о[д'б]нок*), т. е. *дъп- > *дъп-¹⁶.

6. Верхневолжск. *сѣдѣти, сѣдитъ* (по данным рукописей и диалектологии); *дѣта* (по данным рукописей) ⇔ рост.-сузд. *сидѣти, *сидитъ; *дита (русск. литер. *сидеть, сидит; дитя*).

? 7. Судя по данным древнерусских памятников, также верхневолжск. *крыло* (< слав. *kridlo) ⇔ рост.-сузд. *крыло с -ы-, возникшим по аналогии с глаголом *крыти*. В современных русских говорах, по-видимому, только *крыло*.

Последние три изоглоссы сближают ростово-суздальский диалект с украинскими подольским, (южно)волынским и галицким (карпатоукраинским) диалектами – укр. литер. *денце; сидіти*; галицк. [29] *денцѣ, одѣнок; сидіти, дитя*; закарпатск. *dencé; sid'iti, dit'á; kruuló* [30, passim].

Приложение 2

ЗАМЕЧАНИЯ О ВОСТОЧНОНОВГОРОДСКОМ (ИЛЬМЕНСКО-СЛОВЕНСКОМ) ДИАЛЕКТЕ

К западу от зоны, ограничиваемой пучком тверских изоглосс, располагаются восточноновгородские говоры, в основе которых лежит племенной ильменско-словенский диалект. К востоку и юго-востоку от ареала древнетверских изоглосс находятся говоры, по большей части сформированные на основе древнерусских ростово-суздальского и рязанского диалектов [3].

Говоры к востоку от Новгорода генетически восходят к племенному диалекту ильменских (новгородских) словен, культура и язык которых не состояли в близком родстве с кривичами. Племенной ареал словен определяется рядом этноопределяющих признаков. В частности, «в области новгородских словен распространены ромбоцитковые (и овальнощитковые) височные кольца, которые служат этноопределяющим признаком этого племени [...] Основной ареал их – Приильмень с бассейнами Луги и Плюсы [...] Ромбоцитковые кольца бытовали в Новгородской земле продолжительное время – с начала XI века до XVI в. включительно» [8. С. 177]. Другим ильменско-словенским признаком является способ устройства похоронных насыпей. У новгородских сопот VI–XI вв. «одной из важнейших частей [...] является кольцо, сложенное в основании из валунов [...] Это кольцо в большинстве случаев сооружалось раньше, чем насыпь» [8. С. 61]. «На смену курганным захоронениям в древнем ареале новгородских словен приходят жальники [...] Это – кладбище из грунтовых могил, обставленных на поверхности валунами в вид кольца или прямоугольника» [8. С. 180]. Восточная граница распространения ильменско-словенских жальников XII–XV вв. не соответствует границе Новгородской земли, при этом почти в точности совпадает с изоглоссой

¹⁶ В [1. С. 128] формы *о[д'э]нье, о[д'й]нье* неверно трактуются как «кривичские» с допущением локального смягчения согласных в **о[д'э]нье, о[д'й]нье* – формах, характерных для псковских говоров. Корень *дъп- в говорах ростово-суздальского происхождения регулярно имеет вид *дъп-: *дѣнце* ‘доска для укрепления гребня в самопрялке и для сидения при работе, донце’ Меленк. Влад., также Нижегород., Никол. Волог.; *дѣнышко* ‘доньшко’ Кинеш. Костром., Влад., Яросл., а также эти формы и *дѣнка, дѣнко, денник, дѣнник, денной* и *дѣнный* в говорах позднего заселения [24. Вып. 7. С. 351–353]; *одѣнок* ‘остаток сена, соломы, хлеба на месте стога, скирда’ Яросл., Твер.; ‘нижний слой сена, соломы в стогу’ Калинин., Костром., Яросл., Моск.; ‘гуща, осадок на дне сосуда от масла, кваса и т. п.’ Иван., Волог., также в говорах на территории позднего расселения [24. Вып. 23. С. 12–13]. Относительно ареала *о[д'э]нье, о[д'й]нье* см. [1. С. 128. Карта 3].

полного синкретизма окончаний род.-дат.-местн. ед. *a*-основ, {*водѣ=водѣ=землѣ=землѣ*} или {*воды=воды=земли=земли*}, которая в свою очередь является западной границей говоров, восходящих к древнетверскому диалекту, см. карту 2. По-видимому, это древняя этнолингвистическая граница, установившаяся не позднее XV в.

Ильменско-словенская, или восточноновгородская, территория на западе и юге ограничена мощным пучком псковско- и смоленско-кривичских изоглосс, а с востока – рассматриваемыми в настоящей статье тверскими изоглоссами. Основной восточноновгородской изоглоссой на русском северо-западном ландшафте является «твердое» окончание 3 л. презенса, восходящее к *-ть, в отличие от «кривичского» *-ть. Еще одной изоглоссой относительно древнего происхождения является «иканье», переход *я* в *i* перед твердыми согласными и на конце слова (**lěsъ* > *l'is*, **na golvě* > *na голов'iu*), который отражает особенность произношения рефлекса слав. *ě – вероятно, это был монофтонг [e]. В новгородских берестяных грамотах написание *и* на месте этимологического *ě сравнительно быстро нарастает с середины XIII в. [4. С. 26], что совпадает с временем массовой инфильтрации в новгородское койне вост.-новгородских (ильменско-словенских) признаков, таких как «твердое» окончание -ть 3 л. ед. и мн. ч. и т. д. В других русских говорах на территории раннего расселения *я*ть имеет дифтонгический рефлекс [je] (в некоторых ареалах с сужением в [je] > [i] только перед мягкими согласными) или совпадает с рефлексами *e, *ь – ě > [je] (> e). В псковско-кривичских по происхождению говорах отмечен широкий рефлекс *ĕ: *kĕrь=*cĕrь > *k'an*, *sĕdlь > *c'al*, *kĕvь > др.-пск. *kъvь [kă:vɨ] > эст. *käiv*, финск. *käämi* ‘цевка, катушка’. Заявленные в [31. С. 111; 32. С. 23, 144–147] акцентологические отличия ильменско-словенского диалекта от кривичского и ростово-суздальского нуждаются в дополнительном подтверждении.

Восточноновгородские говоры имеют специфические общие изоглоссы с ростово-суздальскими и другими говорами ближнего Северо-Востока (в частности, *-ть в 3 л. презенса), что может говорить о расщеплении первоначального северовосточного диалектного континуума кривичским «клином» в регионе Тверского Поволжья.

Приложение 3

СИСТЕМЫ РЕФЛЕКСОВ «ПАЛАТАЛИЗАЦИЙ» ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Ранне-праславянская	Стандартная («общеславянская»)	Псковско-новгородская	Тернарная	Смоленская
*k ^e	*č' (шипящая аффриката) > ч' (> ч)	*c'' (свистящая/шипящая аффриката) > ц' (> ц)	*č' (шипящая аффриката) > ч' (> ч)	*č' (шипящая аффриката) > ч' (> ч)
*k ^ĕ	*c' (свистящая аффриката) > ц' (> ц)	*k̂ (палатальный смычный) > [k̂] (> ц')	*č̂ (палатальная аффриката) > ц'	*č' (шипящая аффриката) > ч' (> ч)
*i ^k	*c' (свистящая аффриката) > ц' (> ц)	*c'' (свистящая/шипящая аффриката) > ц' (> ц)	*c' (свистящая аффриката) > ц	*c' (свистящая аффриката) > ц

РЕФЛЕКСЫ *к и *х в корнях в позиции II ПАЛАТАЛИЗАЦИИ В СИСТЕМАХ,
В КОТОРЫХ РЕФЛЕКСЫ II ПАЛАТАЛИЗАЦИИ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ РЕФЛЕКСОВ
III ПАЛАТАЛИЗАЦИИ

	Древнепсковская система	Новопсковская система	Смоленская система	Тернарная система
*кѣр-	к'еп, к'епок, к'еп'эц и т. п. [22, 27, 24]; кѣпать [27]	ц'еп'эц, ц'апк'и [22]	чап'эц [22]	ц'еп, ц'а-п'эл'инь [22]
*кѣв-	к'евь, к'эвка, к'ев'ина/т'ев'ина, к'ев'о/т'ев'о и т. д. [22, 27, 24]		чав'инь [22]	ц'эльј, ц'илују [22]
*кѣд-	кед'ить, кед'ушка, кед'илка [22, 27], кеж [24], кѣша [27]	ч'эд'им, ц'ьд'илкь [22]		
*кѣл-	др.-новг. *кѣле 'целый'	ц'эльј, ц'эл'нај, ц'ел'ина; ч'алујутца [22]	ч'ельј [22]	ц'эльј, ц'эл'ныј [22]
*кѣп-		ц'ены [22]	чына [22]	ц'инь, пь ц'ин'э, ц'инит [22]
*кѣрк у	др.-новг. крѣкъвь	ц'эрква, у чэркву, ц'эр'коф [22]	ч'эркъв [22]	ц'ер'къф', ц'эр'ква [22]
*хѣг-	др.-новг. хѣръ, Хѣрово	с'эры(ј) [22]	шэры(ј) [22]	с'эръј, с'эрыј [22]
*хѣд-	др.-новг. Хѣдово			

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования (БСИ) 1986. М., 1988.
2. Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // БСИ 1987. М., 1989.
3. Николаев С. Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3.
4. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
5. Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
6. Седов В. В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
7. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
8. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
10. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР/России. М., 1986. Вып. I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика; М., 1989. Вып. II. Морфология. Комментарии к картам; М., 1996. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат.
11. Тер-Аванесова А. В. Окончания единственного числа существительных а-склонения // Восточнославянские изоглоссы. 1998. М., 1998. Вып. 2.
12. Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
13. Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.

14. [Протоиерей И. Григорович]. Белорусский архив древних грамот. М., 1824. Часть первая.
15. *Абраменко О. А.* Динамика развития диалектных систем склонения (наблюдения над среднерусскими говорами) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 1998.
16. *Абраменко О. А.* Новые данные по рефлексации индоевропейских окончаний gen., dat. и loc. sg. a-склонения (на материале западных и северо-западных русских говоров). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
17. *Дыбо А. В.* Деклинационные различия в новгородских диалектах XIII–XIV в. и их локализация // БСИ 1986. М., 1988. С. 79–115.
18. Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472. М.; Л., 1955.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. Изд. 2-е. М., 2000.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Изд. 4-е. М., 1997.
21. *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
22. Материалы ДАРЯ – ответы на вопросы «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М.; Л., 1947), хранившиеся в Отделе диалектологии и лингвгеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; материал распределен по зонам, соответствующим территориальному охвату каждого из региональных атласов (АРНГ Зап., В., Сев.-Зап., Зап., Сев., Юг – ср. [23]), каждый атлас имеет свою нумерацию населенных пунктов (расшифровку номеров см. [10. Вып. III. С. 314–370]).
23. Атласы русских говоров центральных областей а) к западу (Зап.), б) к северу (Сев.), в) к северо-западу (Сев.-Зап.), г) к югу (Юг) от Москвы (рукописи, хранившиеся в Отделе диалектологии и лингвгеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН).
24. Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1965–2007. Вып. 1–41.
25. *Глускина С. М.* Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. Псков, 1962. Вып. II.
26. *Глускина С. М.* О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Псков, 1968. Вып. II.
27. Псковский областной словарь. Л./СПб., 1967–2009. Вып. 1–21.
28. *Живов В. М.* Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII вв. // Russian linguistics. 1984. № 8. P. 251–293.
29. *Желеховский С., Недільский С.* Малоруско-німецкий словарь. Львів, 1886. Т. I–II.
30. Материалы Карпатских экспедиций Института славяноведения РАН (1987–2008).
31. *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.
32. *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. М., 1993. Вып. 1.